

Макс Акинъшин

Тридцать восемь сантиметров

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Макс АКИНЬШИН

Тридцать восемь сантиметров

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Акинъшин М.

Тридцать восемь сантиметров / М. Акинъшин — «ЛитРес: Самиздат», 2010

-Это ты, Макс? – неожиданно спрашивает Лорен. Я представляю ее глаза, глаза голодной кобры и силюсь что-нибудь сказать. Но у меня не выходит.-Пинту светлого!- требует кто-то там, в ночном Манчестере. Это ты, Макс? Как она догадалась? Я не могу ей ответить. Именно сейчас не могу, это выше моих сил. Да мне и самому не ясно, я ли это. Может это кто-то другой? Кто-то другой сидит сейчас на веранде, в тридцати восьми сантиметрах от собственной жизни? Кто-то чужой, без имени и национальной принадлежности. Вытянув босые ноги на солнце. Китаец Шин, сидящий в старом кресле. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Атомная Лола	5
Кот на раскалённой крыше	9
Ядерная физика	14
Обед из Европы рейсом на 17.40	18
Знакомьтесь, господин старший инспектор!	22
Шесть досок и пила	27
Предметы сатанинского культа	31
Немного об ишиасе	36
Шар из козявок сержанта Пеппера	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Атомная Лола

Бокалы для коктейлей придумал Сатана, черт бы его драл. Они из тонкого стекла и скользят в руках как обмылки. Мыть их всегда очень неудобно. Приходится быть крайне аккуратным. Осторожно водить губкой по поверхности, споласкивать и вытирать полотенцем, ставить на металлическую сушку. Пьют из них одни педерасты, иногда забредающие к нам, и это тоже не радует. Хорошо еще, что завсегда и предпочитают пиво, и пивных кружек образовывается намного больше. Намного. Пять – шесть десятков против шести штук.

Я смотрел на поднос, по которому растекалась вода. Какие коктейли могут быть здесь, в пабе мистера Долсона? Мерзость, названия которой еще не придумали.

Дайкири, Лонг Айленд, Голубая лагуна – так и остались буквами на затертых барных картах. Напитки смешивал Халед. Маленький марокканец морщил лоб, с трудом читая этикетки бутылок, а разобрать рецепты было выше его способностей. Как ни странно, мистер Долсон был им доволен. Может по причине тех таинственных посылок, которые бармен получал с родины? Мне было плевать. Но вот бокалы бесили. Каждый раз приходилось расставаться с парой монет, убирая острые осколки.

-Ну, вот опять! – констатировал торчавший в дверном проеме Долсон. – Тебе пора закупать их коробами, Макс.

Я что-то буркнул в ответ. Что-то извиняющееся. А хозяин продолжил:

-Скоро мы разучимся мыть посуду. Телепрограммы будут транслировать прямиком в мозг. И в сортир вместо журналов будем брать инструкцию. Тебе это нравится? – долгие годы лежания с перемазанным зеленой краской лицом сделали из снайпера в отставке Майкла Долсона окончательного и бесповоротного философа. А целебная грязь Экваториального Конго вынудила начинать день с пары шотов Гленфиддиха и высокой патетики.

Не дожидаясь моей реакции, он ответил:

– Понятно, что тебе это нравится. Ты русский и далек от благ западной цивилизации. Тебя это все еще удивляет. У вас там до сих пор зима, да? Водка, да? Гулаг? Спецназ? Путин?

Эти слова он тщательно коверкал, разбавляя манчестерский акцент, над которым смеялась остальная Англия, собственными изобретениями.

-Обычная страна, мистер Долсон, – ответил я и принялся за пивные кружки. Вот их было мыть одно удовольствие. Они с толстыми стенками и совершенно не скользили в руках.

-Конго тоже обычная страна. Но я тебе скажу, у тех обезьян уже есть спутниковые телефоны и ваши Калашниковы. Знаешь, что делает Калашников с человеком?... Неет, -протянул он, – все это идиотское развитие и прогресс закончатся одним. Одним, Макс.

-Чем, мистер Долсон?– спросил я, вытирая посуду. В два часа у меня был IELTS в колледже святого Антония, и мне было необходимо как можно быстрее отделаться от своих ежедневных обязанностей.

-Каким-нибудь сраным г..ном, Макс! – заключил собеседник. – Возьми, к примеру, порнографию. Помнишь все эти классические фильмы девяностых? Сара Лоу, Джесс Айдек?

-Не помню, мистер Долсон, у нас их не было.

-Конечно, у вас их не было. Вы же дикари! Гунны!.. – он сделал паузу и отхлебнул из стакана. – Но и мы не лучше. Мы постоянно совершенствуем этот гнилой мир. Двигаем прогресс. Наши лучшие ученые бьются над всей этой чепухой. Интернет, мобильные телефоны, компьютеры. Из поколения в поколение! Мы теряем больше, чем изобретаем. Порно девяностых уже в прошлом и интересует лишь коллекционеров. Обычный акт нас не устраивает, мы заглядываем внутрь! Сбриваем лишнее, улучшаем свет ламп, чтобы не осталось темных пятен. Работаем с четкостью и увеличиваем резкость. Зачем? Зачем мы это делаем? Мы лезем все глубже, нас уже не возбуждает то, что мы видим. Мы пресыщены тем, что имеем. Мы блюем всей этой вкусной пищей. Совсем скоро мы будем разглядывать УЗИ и рентгеновские снимки. И они будут возбуждать нас больше настоящей голой бабы в кровати. А лет через двадцать любой подросток будет передергивать, знаешь на что?

-Понятия не имею.

-На кардиограмму! – торжественно сообщил он.

Собственно весь этот разговор был рассчитан на Лорен, расположившуюся с чашкой кофе и яичницей в углу заведения. Я так думал, что именно на ее кардиограмму отставной капитан САС предполагал мастурбировать лет через двадцать. Сидевшая в старом свитере с вытянутым горлом Лорен расхохоталась. Солнечные лучи, словно ленивые кошки, ползли по столу, выхватывая из тьмы высокий лоб и глаза голодной кобры. Мисс Лола, именно так звали Лорен в «Красном тузе», наслаждалась философией хозяина.

– Что будет после кардиограмм, мистер Долсон? – спросила она, закуривая тонкую сигаретку.

-Какое-нибудь дерьмо, вот что!– проревел тот. Халед, возившийся за стойкой, вздрогнул и опрокинул бутылку, с грохотом укатившуюся за столы. Я вынес поднос с чистой посудой в зал и бросил взгляд за окно, где сонные наркоманы ожидали свой билет на Луну. Их зубная фея задерживалась, потому что попала в облаву вчера вечером. Они толклись на углу, понурые и вялые в полдень, в ожидании чуда, которое отправит их в послезавтра. Мир медленно сходил с ума.

-Ты сегодня рано, – я сел за столик, не обращая внимания на хозяина, распекавшего марокканца за пролитый виски. Как правило, она приходила позже, около часу дня. В то время, когда обыватели уже пропускали свой первый послеобеденный стаканчик. Ее легкая фигурка в старом свитере скользила мимо окон. Она жила над заведением мистера Долсона, на втором этаже прокопченного дома. Одного из многих, рядами выстроившихся в рабочем предместье Манчестера. Заходила и клала на стол связку ключей с детским красным помпоном вместо брелока.

-Не спится, – она выпустила дым, повисший осенней паутиной в лучах необычного для этого времени солнца. – Думаю, надо что-то менять... или сдохнуть.

-Снимешь кардиограмму?– я взял ее чашку и отхлебнул остывший кофе. Она улыбнулась.

-Нет,

Лорен Битти, эту деревенскую девочку со змеиными глазами, ничем было не пронять. Иногда я думал, что нас связывает? Может быть, каждодневная яичница с беконом, которую готовил я, потому что наш повар приходил к трем часам? Взаимная симпатия? Мы спали, не без удовольствия соприкасаясь телами. Но по- настоящему обнажены мы не были. Наши души дремали глубоко под кожей. В моей существовали: Кемерово, снег и могила Али, как заполненные страницы пустого фотоальбома. Две-три фотографии, за которыми чистые листы. Что было в душе Лорен, я не мог вообразить. Надо было что-то менять... Или сдохнуть – тут она была права.

-Хочу пойти учиться, Макс, – моя собеседница сонно ковыряла бекон вилкой. – У тебя сегодня экзамен?

– IELTS в Антонии.

-Ты хорошо говоришь, только легкий акцент,– это звучало обнадеживающе, про профессора Стирлинга говорили разное, и я сомневался в результате. Чистота языка была делом вторым, главное – написать тест.

-Спасибо, Лорен, – сигаретный дым почти скрывал ее. Вспыхивающие под бьющим наотмашь солнцем волосы, серые глаза и следы смывтой вчерашней косметики. Она была домашней девочкой: секретаршей в банке, делопроизводителем в конторе, продавщицей модных вещей – лишь глаза доказывали обратное.

– Макс, ты пиво принимал утром? – Майкл Долсон нарисовался за стойкой. стакан, стоявший на ее полированном мраморе, был пуст, и это значило, что хозяин уже закончил завтракать.

-Десять бочек, мистер Долсон. Шесть светлого лагеря, четыре темного, – я отвернулся от света и посмотрел на него.

-Только четыре темного? – возмутился он, несмотря на то, что каждую неделю сам делал заказ, – настоящее пиво уже почти не пьют, а пьют мочу, изобретенную корпорациями. Они все там делают свои дела в эти бочки, Макс! Все как один. Начиная самым главным мегадиректором и заканчивая последней уборщицей. Я так и вижу, как они стоят всем своим сраным советом директоров в очереди. А за ними департамент маркетинга и бухгалтерия. И каждый! Каждый стряхивает последнюю каплю! Даже эти педики из отдела сбыта. И они тоже. Ссут, а потом продают простому человеку, у которого нет денег на собственную пивоварню. Только виски остался достойным английского джентльмена. А самое печальное... Знаешь, что самое печальное, Макс?

-Нет, мистер Долсон.

-Самое печальное, что я пятнадцать лет воевал за то, чтобы у них была возможность помочиться в мое пиво!

Было видно, что марксизм Майкла Долсона проистекал большей частью из неоплаченных счетов, пачку которых он печально разглядывал. Дела заведения не то чтобы шли к краху, но и блестящими назвать их было нельзя. Обычная публика состояла из рабочих, живущих по соседству, высасывающих свою ежевечернюю пинту за разговорами о политике. Ни один из них не тратил больше пятерки, той суммы, которую можно было утаить от жены. Бедность порождала бедность, и мне было на это плевать, потому что я сам жил на пятьдесят фунтов в неделю.

-Вы служили нации, мой капитан, – Лорен дурачилась.

-Дерьмо! – обиженно парировал хозяин и, показав монументальную спину, ушел на кухню.

-Надо что-то менять, – она улыбалась одними губами, глаза оставались серьезными.

-Мне пора.

-Удачи, – новая сигарета с раздражающим кислым ментоловым дымом. – Забежишь ко мне перед номером?

-Сегодня нет, Лорен. У мистера Долсона гениальная идея, – все идеи бравого хозяина были гениальны, тем более, что он подслушивал под дверью кухни. Я отпросился к двум часам, за что должен был работать зазывалой вечером. Хозяин считал, что не у каждого английского джентльмена был свой собственный и самое главное настоящий русский. И использовал это обстоятельство полностью.

Шапка ушанка и шинель меня мало смущали. Но вот сэндвич с аккуратной надписью на каждой стороне: «Мистер Путин любит наше пиво», приводил в смятение. Все свои блестящие идеи, капитан Долсон черпал из книги М.Пайтона «Как повысить продажи и заработать на этом» «Четыреста восемьдесят три магических способа», случайно найденной в корзине у касс, где все было по пять пенсов.

Русская пятница, значилась в ней под номером сорок три и была одним из самых магических способов отпугнуть наших пятифунтовых неудачников. Предыдущие сорок два фестиваля отличались лишь тем, что для их проведения не закупалась контрабандная польская водка.

-До завтра, Макс.

-До завтра, Лорен, – я шел к колледжу мимо дворцов похожих на бордели, мимо борделей похожих на дворцы. Мимо мамаш с чадами, гонявшими голубей. Шел и думал о том гениальном методе под номером сорок три, обещавшим мистеру Долсону блестящее будущее. Было ясно, что все эти четыреста восемьдесят три магических способа позволили заработать только одному человеку, самому М. Пайтону. И это было понятно всем, кроме самого Майкла Долсона. Еще я думал о тесте, если я его провалю, то мои планы на будущее становились совсем неопределенными.

Кот на раскалённой крыше

-Десять минут до сдачи работ!

Грант. Четырёхзначная недостижимая цифра. Строчки расплывались перед глазами.

Поставьте данные глаголы в сабджанктив мууд. Три прочерка, две колонки.

Надо что-то менять, Лорен. Профессор Стирлинг рыхлый и толстый постукивал указкой по столу. Выразительные как грязные лужи глаза оглядывали зал, в котором кроме меня корпело еще человек десять. Стирлинг мне не нравился.

-Одна минута!

Одна минута после почти трех часов. Одна единственная после ста восьмидесяти. Десять тысяч восемьсот ударов секундной стрелки. Четыреста восемьдесят четвертая магическая технология. В половине шага от безоблачного счастья, на которое молились все, кто имел лишь пару-тройку фотографий, вместо целого мира.

Я получил шесть баллов с четвертью. На целую четверть балла больше, чем планировал. И не получил гранта. По решению совета, а в святом Антонии существовал совет, разбиравший прошения, грант уплыл к какому-то индусу. Тоже написавшему IELTS на шесть с четвертью.

Стипендия в размере восьмиста фунтов в месяц плюс кампус. Небольшая комнатка на двоих. Видимо в качестве извинений за те двести лет, в ходе которых предки членов совета по грантам угнетали предков этого счастливого. Иногда быть унижаемым и несчастным очень выгодно. Платить за обучение мне было нечем.

Так же нечем, как и мистеру Долсону, гора счетов которого с каждым днем становилась все больше, а русская пятница обернулась жестким похмельем.

На третий день мы сидели в полпервого ночи в пустом зале закрытого паба, и допивали польскую водку. Она все никак не заканчивалась, хотя Халед раз за разом нырял в картонные ящики. Эти три дня запоя были нашим лекарством от тоски.

– Он мне знаете что сказал, мистер Долсон? – в который раз, я пересказывал разговор, состоявшийся с профессором Стирлингом. Разговор, из которого я вынес ту мысль, что мой собеседник был никем иным как напыщенной сволочью.

-Не знаю, но думаю какое-нибудь дерьмо, Макс,– ответил бравый капитан,– эти высоколбые, все как один педерасты, поверь мне. Они корчат из себя умников только потому, что настоящему человеку трудно понять ту блевотину, которую они несут. Они мнят себя душой нации, оплотом высокой культуры и выдают вчерашнюю протухшую жвачку как откровение. Говорят тебе о пятне на рубашке и о том, что тот язык, на котором ты говоришь, мерзок, а сами чистят дымоходы друг-другу. Вроде твоих соседей по дому. Тото, так, кажется, его зовут?

Я кивнул, Тото с приятелем жили на первом этаже дома, где я снимал квартиру. И считали себя музыкантами, побираясь по студиям звукозаписи. Вот только педерастов изображавших из себя музыкантов было много. Очень много. И каждый мнил себя гением. Отброшен-

ные на обочину плотным потоком смазливых мальчиков в брючках скинни, мои соседи нашли единственный способ существования – потихоньку банчили травой. Почти безвылазно сидя в своей берлоге. Срываясь на визг в разговорах с несостоятельными клиентами, мне это было прекрасно слышно сквозь тонкие перекрытия. Эдакие мякотки с повадками базарных торговков.

-Мир протух, Макс.– заключил мистер Долсон. – Индийцы учатся в колледжах, педерасты живут по-соседству, а настоящий английский джентльмен вынужден поедать весь этот тухляк и не морщиться. Даже вы, гунны и дикари, даже вы это понимаете.

Он выдернул волос из носа и, задумчиво посмотрев на него, прилепил к столешнице, как знамя истинных английских джентльменов сражавшихся с прогрессом и всеобщим повальным безумием.

Я оставил его во втором часу ночи, скучного и печального. Обдумывающего очередной способ обогащения, который назывался «вечеринка в джакузи». Бывший толи тридцать вторым, толи двести третьим.

-Сейчас все сходят с ума по этому джакузи, Макс.– уверено заявил Долсон на прощанье.

И мне представились лицо Халеда, давно спящего на боевом посту – за стойкой. Утром его ожидали неприятные известия. На грузчиках хозяин старался экономить. Нетрудно было догадаться, кто будет возиться с тяжелой сантехникой. Впрочем, если у тебя просроченная туристическая виза, выбирать не приходится. Я это знал.

Район, в котором я обитал, был из так называемых «с дурной репутацией». Но мне было плевать. Плевать на исписанные стены и воняющие мочой проулки. На подонков всех мастей пытавшихся выжить в этой грязи и беспросветности. Главное для меня было то, что за гнусную дыру из хозяйского тщеславия названную квартирой, я платил какой-то мизер и мог временно сводить бюджет в ноль.

И во всем этом мраке, было необходимо сохранять полнейшее спокойствие. Даже тогда, когда какой-то отчаянный наркоман приставил мне шило к горлу. Дохлый и воняющий чем-то тошнотворным. Случилось это две недели назад и денег у меня при себе не оказалось. Что его сильно опечалило. Я зачем-то вспомнил эту грусть в его глазах, проходя по длинному коридору первого этажа. В желтом свете слабых ламп перекатывалась нищета.

За дверью педераста Тото гремели смех и музыка. Сегодня у кексиков был фестиваль. Что же такое важное они отмечали среди недели? День рождения Элтона Джона или может свой парад, по слухам, разрешенный в Ираке? Об этом я не думал, потому что слишком устал от всего. Что-то с грохотом разбилось там у них, по осколкам прошлись, и кто-то счастливо заржал. Смех перекрыл орущую музыку, гулко отдаваясь в ночных звуках дома: тихом храпе и шуме телевизоров тех, кто не мог уснуть один.

-Вот такую мелодию...– жеманно произнес Тото, остаток фразы утонул в новом грохоте и визгливом смехе.

Было ясно, что консьержка уже вызвала полицию. Эта прокисшая вдова пребывала в полной уверенности, что обитает в приличном месте. И жила в этом глупом заблуждении изо дня в день, от одного стакана к другому. Из ее конуры постоянно воняло льняной кашей, а еще она любила выскакивать на каждого входящего. Блеклые глаза с красными прожилками, глаза опустившейся пьяницы ненавидели все, что могли увидеть.

Я поднимался по лестнице, когда прибыли бобби. Шаги полицейских ни с чем не спутать, тяжелая поступь уверенных в себе людей. Они топали внизу подо мной и громко переговаривались, словно сейчас был полдень и шум, обычный шум города, мешал им говорить. Бобби всегда говорят громко, как глухие.

– Откройте! – вслед за этим требованием, на лестнице, по которой я только что поднялся, слышались осторожные шаги. Будто кот шел по раскаленной крыше. Может быть, эта поступь и не была слышна внизу, там, где здоровые полисмены выламывали дверь квартирки Тото, но я ее слышал прекрасно. И вставил ключ в замок, чужие проблемы меня не волновали.

-Кретины! – завопил один из педерастов. – Куда вы меня тащите?

-Аа... Сволочь, он меня за руку укусил! Сержант! Сержант!

Дверь в мою конуру почти закрылась, когда я обернулся. Да, зачем-то обернулся. Просто так, из остатков того чувства, которое люди зовут любопытством. Кинул взгляд в коридор второго этажа. Из полутемной комнатки, на пороге которой я стоял, в желтушный свет ламп.

У выхода на лестницу переминался профессор Стирлинг и умоляюще смотрел на меня. Нет, он не просил ничего, просто молча стоял, испуганно вздрагивая каждый раз, когда снизу доносился шум.

Даже идиоту было ясно, что как только полиция закончит упаковывать наглых торговцев дурью, то устроит тотальный шмон по этажам на предмет потерявшихся гостей. А рыхлый профессор с дрожащим подбородком и растерянными глазами пуделя был как раз из этой категории. Пиджак его топорщился, наспех надетый, из-под полы виднелся край не заправленной рубашки. Галстук был зажат в подрагивающей руке. Почему я не удивился тогда? Ну, почему?

И сказал ли: добро пожаловать? Этого я не помню, но дверь открыл, приглашая его войти. Все произошло очень быстро. Так, как всегда происходят действия, о которых не думаешь. Вернее то, что делается безотчетно, и исходит из тех свойств души, какие вдолблены в тебя на уровне инстинктов. Имя моему поступку было милосердие.

– Хотите выпить, профессор? – спросил я, прислушиваясь к тяжелому топоту в коридоре. Кажется, они ломались к потаскухе из соседней каморки. Усатой и немолодой. Та была с клиентом и кричала бобби через дверь, чтобы они убирались. Стирлинг затряс головой, но я плеснул ему немного кукурузной мерзости, бутылка которой завалилась у меня. Пусть успокоится, если его разберет удар прямо здесь, возникнет еще больше проблем.

-С...с..спасибо, – заикаясь, поблагодарил он и залпом выпил. – Я был у друзей. Кажется мы немного....

Они немного перестарались. От той спеси, с которой он общался со мной на днях, не осталось и следа.

«Мы не можем принимать в колледж всех без разбору. Наше учебное заведение по праву носит звание одного из старейших и уважаемых в Англии. Наши выпускники занимают очень ответственные должности. Результаты ваших тестов не удовлетворяют уровню, позволяющему получить грант на обучение. Вы работаете?»

«Да. В пабе «Меч и Роза»».

«Вполне подходящее место для вас. Вы сможете сделать там хорошую карьеру», – он презрительно попрощался со мной.

Сейчас профессор сбивчиво оправдывался, но я его не слушал. Ту чепуху, которую он нес, я мог выдумать сам и не собирался загружать свой мозг чужим враньем.

– У нас был диспут об одной монографии по средневековой поэзии, – по мне так диспут трех педерастов не стоил того, чтобы о нем упоминать, но Стирлинг продолжил говорить. Он говорил и говорил. Нес всю эту чушь, пока я не прервал его.

– Через полчаса полиция закончит, и вы сможете выйти. Либо можете уйти сейчас, но по пожарной лестнице. Она за окном, – он выбрал первый вариант, и мы провели эти полчаса в тяжелом молчании. Прерванным лишь однажды, когда в мою дверь требовательно заколотили кулаками.

-Сержант О'Хара, полиция Манчестера.

Я приоткрыл дверь ровно на длину цепочки:

-Да?

-Вы не заметили сегодня ничего необычного, мистер? – за его плечом маячила воняющая льняной кашей консержка. Заметил ли я что-нибудь необычное в этой клоаке? Нет, сержант, все как обычно: грязь, вонь, страх, безнадежность и нечистоты. Самое дно, сэр, от которого нельзя оттолкнуться, нельзя всплыть, на котором не существует понятий воздух и радость. А есть одна беспомощная тоска.

-Нет, ничего необычного, сержант.

-Незнакомые люди? Шум? Может, вы хотите о чем-нибудь заявить? Ма'ам Брайен сообщила, что вы только что вернулись.

– Здесь одни незнакомые люди и сплошной шум, сержант. Что-нибудь необычное я не припоминаю, – О'Хара понимающе посмотрел на меня и криво улыбнулся. Мы были похожи. Только он нырял в эту жижу время от времени, я же обитал здесь постоянно. А весь этот цирк был рассчитан на сопящую консержку, чья голова покачивалась с похмелья.

-Хорошо, если вы что-нибудь вспомните, то сообщите об этом в участок, мистер. Мы расположены выше по улице на перекрестке.

Я кивнул ему и закрыл дверь. Сержант был так же милосерден, как и я. Никаких вопросов о документах и прочем. Ни требований впустить его в мою убогую конуру. Никаких больше вопросов. Он все прекрасно знал. Это было написано у меня на лице. Просроченная на десять месяцев виза, жалкие гроши, темное прошлое и неопределенное будущее. И это его никак не касалось.

Через полчаса, когда все смолкло, Стирлинг выбрался из старого кресла, в котором тихо сидел все это время, и откланялся. На пороге он обернулся:

-Я что-нибудь попробую сделать для вас, мальчик мой, – я поморщился.

– Нет, правда. Кажется, вы говорили, что работаете в «Розе и Щите»?

-«Меч и Роза», профессор.

-Я позвоню.

-Звоните, профессор, – я закрыл за ним дверь и упал на продавленный диван в пятнах от сигарет, оставленных предыдущими обитателями моей каморки. Было четыре утра, и хотелось спать. Завтра Долсон был намерен заработать много денег посредством нового магического способа и пластиковой ванны, взятой в долг у знакомого подрядчика. Тот строил отель в пригороде. Завтра. Или это было уже сегодня?

Ядерная физика

– Единственное, что мы хорошо делаем, это дети, Макс. Да и то, пока какой-нибудь умник не догадался производить их в Китае. Так дешевле, – расстроено произнес мистер Долсон, глядя на проломленную джакузи. Тощий Халед уронил ее прямо на входе в паб, разбив дно о ступени.

– А как же традиции, мой капитан? Рождественский пудинг, парламент? – Лорен, сидевшая с неизменной яичницей, улыбалась.

– Все это давно делают усюглазые, девочка, – буркнул мистер Долсон. – На всем этом дерьме уже давно написано «Мэйд ин Чайна». Даже если у тебя на трусиках нарисовано, что они сшиты в Италии, и это тоже вранье. Все наше государство – одно сплошное вранье! И корпорации. И еще неизвестно чего больше в нашей жизни: вранья или корпораций. Мне кажется – что этого мусора поровну. Равновесие! Наши матери начинают врать нам тогда, когда отнимают от груди, потом мы уже сами учимся этому. И смотрим на этот гнилой мир, пытаюсь врать самим себе. Он прекрасен!

Он наклонился и приладил отколовшийся кусок. Лучше от этого не стало. Я предложил приклеить его, на что мистер Долсон гневно махнул рукой.

– Какой клей? Вся западная цивилизация, построена знаешь на чем? – произнес он.

– На чем, мистер Долсон?

– На скотче, Макс. Только на нем! Это у вас, в вашей дикой стране, все делается на болтах, завернуть которые можно с помощью десятка рабочих. Вы страдаете от этого, потому что не видите изящных решений. Создаете самолеты, над которыми надо работать отбойным молотком. Машины из бетона. И все потому, что вы люди из прошлого. Дикари. Варвары, которым чужда свободная мысль и понятие западной демократии. А вообще, чем стоять таким ослом и слушать меня, пойдешь, и возьми этот чертов телефон. У меня уже голова отваливается.

Телефон за стойкой требовательно звонил. Словно скучал там, в одиночестве, скрытый между бутылок маленького марокканца. Я поднял трубку, ощущая взгляд Лорен. Она всегда рассматривала меня своими странными глазами. Иногда в самый неожиданный момент, когда я был занят чем-нибудь, я поднимал глаза и ловил пристальный взгляд. Улыбалась мне полными губами, перекатывая пальцами красный детский помпон на связке ключей. Он приносил ей счастье. Наивный фетиш маленькой и храброй Лорен Битти, не ожидающей ничего хорошего от настоящего, но уверенной в своем будущем. Странная вера для девчонки ежедневно полирующей шест грудью.

– Добрый день, мальчик мой!

– Здравствуйте, мистер Стирлинг. – мне хотелось послать его, за этого раздражающего «мальчика». Но я сдержался.

– Я, собственно, по поводу нашей беседы. Было бы вам интересно поменять место вашей работы? Есть очень интересное предложение, я могу все устроить.

– Какая работа? – уточнил я. – Мне бы хотелось учиться в Антонии, сэр.

-Надеюсь, вы меня поймете, это выше моих сил. Решение совета я отменить не могу.

Конечно, ему бы не хотелось, чтобы я там учился. И не терпелось избавиться от меня, собственно этим обстоятельством и был вызван этот звонок.

«Не заметили ничего необычного, сэр?» – я припомнил глаза сержанта О’Хара. – «Наш участок выше по улице, сэр»

Выше по улице. Прошло всего десять часов, а профессор уже все утряс. Мало ли? Вдруг я вспомнил что-нибудь в полиции? Запасов травки, изъятых при обыске у Тото, хватило бы на несколько лет питания в два с половиной фунта в день за государственный счет. И выпутаться из этой истории не было никаких шансов. Ни у него, ни у меня. Все это я понимал.

-Вы слушаете?– обеспокоено спросил Стирлинг, мне представилось, как он потеет там, на другом конце линии.

-Да.

-Я могу устроить ваше будущее, мальчик мой. Есть прекрасная должность, я помогу с вашими бумагами, вы ведь уже обучались в колледже у себя на родине?

-Четыре курса института, профессор, но я не смог пройти аттестацию. Кроме того, у меня все еще нет гражданства.

-С этим вопросов не возникнет, я вам обещаю. Что касается вашего официального статуса, тут трудностей не будет. У меня, знаете ли, обширные связи. Что вы думаете о работе в таможенной службе?

– Не имею ни малейшего понятия об этом.

-Прекрасно, прекрасно,– он оживился, словно я уже дал согласие, и его проблемы были полностью решены.– Двести пятьдесят фунтов в неделю, мальчик мой, двести пятьдесят фунтов! Деньги на дорогу я вам дам. Соглашайтесь!

Я рассматривал барную стойку в папилярных узорах царапин и думал. Двести пятьдесят фунтов против пятидесяти. Лорен против паспорта. Я всегда боялся выбирать и единственным мужским поступком, который я совершил, была месть за Алю. Хотя, можно ли было это назвать мужским поступком? Эта смерть все поменяла в моей жизни. Все. Бесповоротно.

Я мучительно размышлял, пока Стирлинг описывал светлые перспективы. Он, вероятно, ерзал на зеленой коже своего кресла, полируя задом, медные шляпки гвоздиков каретной стяжки. Он бы вылез из телефонной трубки и вцепился в меня, если бы мог.

– Я подумаю, мистер Стирлинг,– Лорен, не мигая, рассматривала меня. Надо было что-то менять или сдохнуть.

-Ты уезжаешь?– я пожал плечами. Если бы я знал. Если бы. Она моргнула.

Я позвонил ему на следующий день. Мне был нужен паспорт и хоть какие-нибудь перспективы. И уже через неделю Бартон суетился вокруг меня и Лорен. Обычная суматоха аэропорта – муравейник маленьких людей улетающих и прибывающих откуда-то. А в огромные стеклянные витрины слепило безумное солнце. Оно уже непросто заглядывало, а било наповал обливая своим блеском каждого. На улице плыла просто сумасшедшая жара.

-Я подала документы, Макс. Буду изучать физику. – нервные пальцы крутили красный помпон. Сегодня на ней были оранжевые пипту на громадной шпильке. А юбка заставила одного из всех этих добропорядочных буржуа возвращавшихся с Ибицы в окружении семейства, врезаться в груды чемоданов сваленных по центру зала компанией студентов. Это вызвало хохот и суету, но мы не обратили на нее никакого внимания. В этом стеклянном муравейнике даже смерть осталась бы незамеченной. Смерть одного из маленьких безнадежных муравьев.

-Ты можешь остаться?– она погладила меня по щеке. Ласковое прикосновение холодной ладони. Совершенно необычное по такой жаре. Я отвел глаза.

– Меня уже ждут там, Лорен. Стирлинг оформил все документы. Я не могу отказаться.– она моргнула. Двести пятьдесят фунтов против пятидесяти. Мы стояли у стойки регистрации, за ней сидел молоденький клерк и откровенно пялился на ее грудь.

-Жаль, Макс, очень жаль. Мы могли бы попытаться... – она прервалась и снова моргнула.– Четвертого у меня начинаются экзамены. Я обязательно поступлю.

-Физика, Лорен?– мне надо было о чем-нибудь говорить. Я чувствовал, как что-то рвется прямо сейчас. Что- то важное.

-Ядерная физика, представь? Расщепление атома. Нейтроны, по-моему. Что-то там с формулами. Это очень интересно.

Очень интересно. Все это было очень интересно. Так же как и стремление вырваться, убежать от той безнадежности, в которой мы жили. Я смотрел, как она затерялась в толпе провожающих. Служащий аэропорта в темном костюме, оглянулся на нее и врезался в стойку информационного табло. Она не обернулась.

Прощай, Лорен. Прощай, моя атомная Лола. Незаполненные страницы фотоальбома. Пусть тебе повезет. Расщепляй атом так же, как ты расщепляла кошельки. И что-то с формулами. Пусть все будет. Вот Долсону теперь будет одиноко. Ему некому будет составить компанию. И не с кем поговорить. Когда все рушится, возможность с кем-нибудь поговорить – единственное лекарство от ран. Впрочем, сам он это не показывал. Был занят разработкой еще одного способа стянуть деньги, заключавшегося в половых сношениях на расстоянии. Подробности этого плана начисто вылетели у меня из головы. Он сунул мне десятку на прощание, но я не взял: в кармане моей рубашки покоились пятьсот фунтов профессора.

Новенький лайнер со свистом оторвался от земли, вжав меня в кресло. Яркий, чистый свет лился из плафонов. А Манчестер в последний раз проплыл под подрагивающим серебристым крылом и остался позади, замененный бескрайней геометрией полей и дорог.

-Принести вам что-нибудь, сэр? – молоденькая стюардесса в бесконечно опрятной выглаженной униформе улыбалась. От нее пахло чем-то свежим, на личике не было той безвыходной печали тех, кого я знал. Она была из другого мира, светлого и блестящего. Отстоящего от поверхности, на которой корчились остальные на многие километры. Мира, в котором не существует беспросветная беспомощность, а есть только свет и воздух, которым можно дышать.

Он был оборотной стороной того непроходимого мрака, из которого я выплыл стараниями профессора Стирлинга, этого наркомана и педераста. Мир-фантик, где у меня была работа и малиновый паспорт со львом и единорогом. И будущее. И двести пятьдесят фунтов в неделю. И много еще чего радостного, о котором я не знал.

-Виски, дарлинг, – я потянулся в кресле и сжал в кулаке красный детский помпон. Стюардесса ушла по проходу, виляя небольшим изящным задиком, обтянутым темной юбкой. Впереди, за ярким заходящим солнцем меня ожидали джунгли, океан и неизвестность.

Обед из Европы рейсом на 17.40

Все десять часов полета я думал о том, что меня ожидает. На самом деле было легко строить планы на будущее, имея пятьсот фунтов в кармане рубашки и симпатичную соседку, которую несколько портил годовалый сын. Ее звали Конкордия, и она была замужем за одним из то ли мормонов, то ли из адвентистов. В общем, одним из тех недалеких пыльных кретинов, что читали библию справа налево. Впереди у Кони было явно больше чем в голове. Весь полет она трещала без умолку.

– А она мне говорит, это не твой размер, Кони! Представляете?

Я смотрел на ее округлости и представлял.

Мерный гул двигателей перекрывал ее смех, и все эти забавные истории слышались сквозь вату.

– Страшно интересно,– произнес я. Под нами плескалась Атлантика. А впереди еще не видимая за серой дымкой лежала Америка.

Лайнер потряхивало. Страшно было приложиться поперек полосы, имея пятьсот фунтов и красивую соседку, вот что я думал тогда. И всегда боялся посадок. Впрочем, как и взлетов. Для меня это было невыносимо. Еще смущал тот факт, что посадок всегда меньше чем взлетов, и это была огромная проблема, как ни крути.

Малолетний мерзавец, сидевший у нее на коленях, двинул меня по предплечью ложкой перемазанной какой-то пакостью. На откидном столике перед ним стояла тарелка с недельным запасом.

-Ай-ай, Джоши, нельзя так делать,– попрекнула его мать. Откидывая челку, упавшую на лоб, она в который раз улыбнулась мне. Мне она нравилась. Серые глаза и милое личико в веснушках.

-Какой прелестный малыш, – сказал я и подумал:

«Еще раз тронешь меня, и я сверну тебе шею, маленькая обезьяна».

-Он очень похож на Ричарда, – этой информацией я был полностью удовлетворен, крошечному мормончику или адвентисту уже не повезло.

«Где-то там, в темных провалах ада затаилась маленькая табличка: «Только для детей и хромых собачек», и эта дверь ожидает тебя, маленький поганец».

Не подозревая о своей участи, тот пустил пузырь из носа. Храбрая малолетняя обезьянка. Ты знаешь, что такое преисподняя, малыш? Едва ли. И дай бог тебе не узнать.

Преисподняя это больница. Капельницы и белые халаты. Абсолютное каменное равнодушие ко всему.

После смерти Али я возненавидел медицину. Спокойной до омерзения ненавистью. Это они, доктора изобрели цинизм, как способ не сойти с ума. Самый первый поросший жесткой щетиной кроманьонец, вылечивший собрата от глистов, заложил первый камень в фундамент этого чувства. Меня всегда корежило от запахов больниц: фекалий, прогорклой пищи, дезинфекции, боли и страданий. Как в нем можно находиться постоянно? Как?

– Вы Михайловой кто? – поинтересовался тогда тощий врач в роговых очках. За стеклами плавали бессмысленные глаза.

– Друг. Я ее друг.

– Она не выживет. Отказала печень, в ближайшее время ... – я уже не слушал его бормотание, я парил в смраде медицины.

Бросил на: «она не выживет». Она не выживет!

Вот так, безвыходно. То, что я никак не мог принять в свои двадцать лет. Мне хотелось убежать, забиться куда-нибудь, свернуться калачиком. Как броненосцы. Они могут жить внутри себя. Это было бы хорошо, всегда обитать внутри себя, не правда ли? Весьма уютный способ существования.

– Что мне делать, доктор? – он пожал плечами. Что мне было делать?

Ответа на этот вопрос я не знаю до сих пор.

За полчаса до посадки Кони прорвало окончательно, если раньше это были маленькие ручейки, простительные по причине двух округлостей четвертого размера. То когда под крылом показалась еле видимая в дымке полоса приборя, меня затопило. Я слушал крайне невнимательно, улавливая лишь десятую часть совершенно ненужной мне информации. О том, что Ричард отважный ботаник. О том, что семья не одобряет его работу. Он разводит микробов и кормливает их обезьянам, это же грех, как вы считаете?

Я считал минуты до посадки.

Когда самолет завалился набок, и над креслами зажглись предупреждающие надписи, я почувствовал, что в кармане моей рубашки намокли пятьсот фунтов профессора Стирлинга. Девять пятидесятифунтовых, две двадцатки и десятка. Всегда испытывал ужас перед посадками.

– У вас все в порядке? – сегодня мне все улыбались, стюардесса проверила замок багажной полки. Как будто это имело какое-то значение в паре километров над землей. Проверь мои замки, дарлинг, ведь я тоже могу вывалиться... из себя. У тебя стройные ноги и аккуратный зад и жаль, что мы не где-нибудь в баре, а здесь, в дрожащем и качающемся куске алюминия. Она смотрела на меня, хлопая густыми ресницами.

– Все хорошо, – пробормотал я и пожалел, что выпил весь виски. До пассажирского лайнера пилот явно водил истребитель. Желудок пару раз прыгнул ко мне в горло в надежде обосноваться там навсегда. Единственным светлым моментом было то, что Кони, наконец, замол-

чала и, закрыв глаза, принялась шевелить полными губами. Отвернувшись, я пытался смотреть в иллюминатор.

Самолет трясло, под нами вынырнув из плотной дымки, понеслись поля, дома, дороги с машинами. Зелень, зелень – густая, жирная без конца и края. Мне показалось, что я рассмотрел грифов, сидящих на ограде летного поля, в ожидании обеда из Европы, рейсом на семнадцать сорок. Они разочарованно смотрели нам вслед, в их янтарных глазах умирала хилая надежда. Касание вышло жестким, под брюхом хлопнуло. Кто-то взвизгнул. Подлокотники скользили под моими пальцами, а Конкордия обратила глаза в потолок и зашептала громче. Да, милая, сейчас именно тот момент. Момент, когда позвоночник с тихим шорохом стекает в штаны. И никакой надежды, быть может.

Старик, сидевший через два ряда от нас, завопил, и быстро пожух в благословенном реве переложенного пилотом реверса. Я молился на этот грохот.

«Аллилуйя!» – думал я, он был той ангельской музыкой, которую я готов был слушать бесконечно. Благословенны твои лопатки турбина, а вонь керосина дважды благословенна, как духи от Ив Сен-Лорана. Что-то в этом есть. Что-то невероятное есть в этом страхе, который заставляет нас молиться на самые немислимые вещи.

Под нами билась серая в оспинах полоса, вдоль нее несея бетонный забор с колючкой поверху. Как и все заборы в мире он был украшен коротким и емким словом.

Добро пожаловать!

И единственным отличием от других заборов было то, что оно было заботливо переведено на испанский. Так сейчас заботятся обо всех, мне кажется: в йогурт добавляют больше бактерий, в пачку с лапшой обязательно суют пластиковую вилочку. Двадцать процентов бесплатно при заказе от ста фунтов. Каждому дозвонившемуся милый сувенир на память. Какую-нибудь чесалку для спины. О тебе помнят, и это главное во всеобщем маразме.

Лайнер медленно катился по бетону. Проснувшийся пилот неразборчиво забормотал по громкой связи. Было странно осознавать, что он не катапультировался, а пробыл весь полет за штурвалом. Я удивился, когда он закончил речь, так и не крикнув «Банзай» и не затянув гимн Аматерасу. Камикадзе всегда казались мне странными.

Когда двигатели, наконец, смолкли, салон самолета ожил. Отъявленные смельчаки возились с кладью и о чем-то лопотали. Вероятно, делясь впечатлениями о том, как их чуть не стошнило, а дядя Сэм'л все-таки умудрился надеть в штаны. Он такой затейник этот дядя Сэм'л и не смог дотерпеть до таможни.

Кони истерически хихикала и говорила, говорила, говорила. Она совершенно не боится летать, а вот на мое лицо стоило бы глянуть. Жаль, что ее косметичка в багаже. Там есть зеркальце.

Через восемь месяцев она возвращается в Англию. И опять полетит самолетом, это очень интересно. Конечно, было бы интересно, если бы при посадке у того самолета тоже лопнула шина. Эдакий веселый аттракцион, сначала летишь десять тысяч километров, а потом садишься, и от тебя идет запашок.

Я глянул на нее и подумал о ее Ричарде и последнем проекте Долсона. О том, где было нечто о половых сношениях на расстоянии. Если все получится, бравый капитан сделает себе состояние, купит пивоварню, и будет мочиться в пиво тем бедолагам, кому не так повезло. Мир для него перевернется, станет гуманнее в разы, а Халед, наконец, выплатит за разбитое джакузи. Вот только количество рейсов сократится. Жены перестанут летать к мужьям из чувства ложного сострадания. Пилоты лишатся работы. В тот момент их беды мне казались не существенными.

-... на машине. Мы можем вас подвести, – ее маленький Джоши сосредоточенно обсасывал пластикового медведя.

-Нет, спасибо, меня будут встречать.

Факс с инструкциями лежал в моем кармане. Терминал два, старший инспектор таможенной службы Эдвард Мобалеку.

«Старший инспектор таможенной службы», – повторил я мысленно и открыл багажную полку. В ней лежала моя единственная сумка с парой трусов, носками и документами.

Стирлинг так ничего и не рассказал о том, чем я буду заниматься. Он говорил что-то неопределенное и крутил пальцами. Отвратительная, раздражающая привычка. Такая бывает только у неврастеников.

– Неплохая служба, мальчик мой! Все дело в оформлении бумаг. Почитаешь пару инструкций и никаких проблем. Я видел результаты твоих тестов, у тебя хорошая подготовка. И ты довольно сообразителен, – в его голосе плавало нескрываемое сомнение. Я так и не заявил в полицию, и этот хитрый педераст вернулся к манере разговаривать свысока. Мне захотелось уйти и сдать его сержанту О'Хара, но я сдержался. Несмотря на весь свой снобизм, он мне сильно помог. Да и вряд ли его арест сделал бы мир чище.

-Здесь две анкеты и заявление, – профессор почесал кончик носа. – Вот пятьсот фунтов. Заполненные анкеты оставите у моего секретаря. Ваш рейс через четыре дня, мальчик мой.

Он помолчал и прибавил дежурную фразу:

-Храни вас Бог.

Надеюсь, что он, наконец, обратит на вас внимание, мистер Стирлинг. Мой собеседник проводил меня тяжелым взглядом. Наше презрение было взаимным, только профессор меня боялся, а я испытывал брезгливость. В дверях я вновь подумал, поступаю ли правильно, скрыв его от закона?

Знакомьтесь, господин старший инспектор!

После душного летного поля прохлада аэропорта казалась раем. Под плакатом «Не курить» стоял темнокожий толстяк в грязной футболке без рукавов с выцветшей надписью «Женщины против рака груди» и курил сигару. С удовольствием затягивался и пускал серые клубы в вымороженный кондиционерами воздух. На его ногах были сланцы, а громадные клешни удерживали тошнотворную картонку в жирных пятнах с лаконичными буквами «Ши». Мы толпились у пограничного контроля, я был нагружен скарбом сына Конкордии и с интересом разглядывал курившего.

– Простите, сэр, вы находитесь в зоне таможенного оформления. Посторонним здесь находиться запрещено! Курить здесь запрещено!– Плюгавый таможенник надел на объект моего любопытства со всеми этими «запрещено». Тот обратил на него внимание, с интересом разглядывая все двадцать три волоска приклеенные к лысине собеседника. Взор желтых в красную прожилку глаз выражал материнскую заботу.

–И что? – дружелюбно спросил он, попутно протягивая свое таинственное «Ши», чтобы каждый прилетевший мог его разглядеть. Он аккуратно держал свою омерзительную икону, словно это было самое ценное приобретение в его жизни. Хотя. Казалось, так оно и было.

–Ваш паспорт, мистер?– пограничники не обращали внимания на конфликт. Мой паспорт. Это звучало уже неплохо. Еще лучше звучали слова факса в кармане – «инспектор-стажер» против моей фамилии. В такие моменты я обожал бюрократию.

–Сэр! У вас могут быть неприятности! Я вызову охрану!– жертва расчески заводился сам от себя, как те маленькие инерционные игрушки, которые надо покатавать по коврику перед стартом.– Мы имеем право вас задержать!

–Проходите ,– я кивнул контролеру и вышел из-за стойки. Кони заняла мое место.

–Ваш паспорт, мэ.

–Послушай, коржик! Если ты не успокоишься, я тебе поправлю кукушку!– предсказал толстяк и, явив миру значительные заросли подмышками, ткнул в меня свой плакатик. Я пожал плечами, что такое «Ши» не знал даже сам Господь.

–Немедленно покиньте зону прилетов! Я вызываю охрану! – взвизгнул плешивый. – Вы понимаете, мистер?

– Или ты сейчас отойдешь, или я тебе сделаю плохо! – спокойно ответил тот. – Ты меня не разочаровывай! Тебе могут аннулировать медицинскую страховку, пресекаешь?

Сутулый гриб засуетился и повис на телефоне, что-то доказывая невидимому собеседнику. Надо признать что, проектируя его, папаша несколько отвлекся и не довел сеанс до конца. На чердаке его сынули осталось много незаполненных пятен. Он был из тех блеклых людей при исполнении, которые всю жизнь надувают щеки, от сознания собственной значимости. Изобретают инструкции, барьеры, пропускные режимы, а потом тихо выходят на пенсию, где пьют в одиночестве, до того самого момента, пока их не хватит удар.

Я прошел мимо спорящей парочки и вышел в зал. Кони нисколько не врала по поводу генов отпрыска. За загородкой металась увеличенная и более волосатая копия малолетнего мерзавца. Я даже немного завидовал этому восторженному шимпанзе, ведь его ожидала встреча с обладательницей внушительных форм. Он нетерпеливо вставал на цыпочки, выглядывая из-за голов, видимо предвкушая ту программу постельной акробатики, которую они откачают со своей курочкой ночью. Брови повелителя обезьян, сросшиеся посередине, приподнимались, словно это помогало видеть дальше.

Кроме него под табло ютилась пара десятков представителей турфирм, встречавших всех этих безумцев, сменивших уютные дома на западе Англии на сомнительное удовольствие от отдыха в раю москитов. Ричард метался в ожидании жены, агенты размахивали фирменными шапочками, но не было одного. Не было никого, кто был в моем представлении Эдвардом Мобалеку, старшим инспектором отдела расследований. Никто не парился в костюме с оттопыренной полкой, никто не щурил стальные глаза, внимательно рассматривая меня.

-Ричард! – вылетевшая из-за спины Конкордия, чуть не сбила меня с ног.

-Джоши! – мурлыкал ее ботаник, обнимая свой самый удачный гибрид. Сцена выходила душеспитательной, я отдал счастливому отцу детские чемоданы.

-Это Макс! Он русский, представляешь, Рик?! – в глазах Кони эта информация была очень важной. – Он летел со мной с самой Англии.

Она хлопала длинными ресницами, живая и веселая. Мне было жаль расставаться с ней. В душе шевельнулось что-то похожее на зависть. Сейчас мне не хватало именно этого – жизни. И глупой веры в свое завтра.

-Да-да, – ее брюнет вяло тискал мою руку. Он смотрел мне в глаза, как будто пытался что-то сказать. Сказать очень важное. Может он был ревнив, этот красавчик? Немудрено если у тебя мозоль на фундаменте от лабораторного стула, а вся твоя женская компания – самки макак-резусов и усатая уборщица. Хотя... Я не понял странного выражения его глаз. Мне показалось, в них мелькнул ужас.

Кони тараторила без умолку, я боялся вновь утонуть в ее рассказах и откланялся. Как можно вежливее кивнув всем оптом на прощание. Их сынок пытался дотянуться до меня рукой вымазанной собственными соплями, но я предусмотрительно отступил. Разочарованный он недовольно закричал и навалил в подгузник.

-Джошуа! – возмутилась его мать, как будто это ее порицание что-то решало. Маленький негодяй гневно заорал, под аккомпанемент его требовательных криков я поспешил затеряться в толпе.

За громадными окнами аэропорта умирала пара чахлах пальм. Жара, отсеченная стеклом, брала реванш, оплавливая пыльный асфальт. Казалось, что она пролегла повсюду, на тысячи километров, заботливо сопровождая меня от Манчестера. Я огляделся. Роение в зале прилетов вызывало головную боль и растерянность. Все было правильно: «Терминал два, старший инспектор таможенной службы Эдвард Мобалеку». И «Ай Ди» – что означало отдел расследований.

Пара инструкций по выражению этого шута Стирлинга. И где? Жизнь никогда не радовала меня доставками вовремя, она все время опаздывала или я опаздывал, стремясь заскочить на подножку ушедшего поезда. Сколько их было! И ни на один у меня не было билета.

Поезда уходили, а я оставался, постоянно борясь с обстоятельствами, требующими больше усилий, чем можно было себе позволить. Вот и сейчас, я стоял в толпе у стойки регистрации и мучительно размышлял, хватит ли мне денег вернуться и начистить Стирлингу его самодовольную ряску? Так, чтобы вдребезги, бескомпромиссно. А на сладкое сдать его полиции.

-Ни одного китайца! Ни одного! – взревел за спиной знакомый голос. Я обернулся и увидел, как темнокожего толстяка выводят из зоны прилетов. Сигару он любезно потушил. Странно было то, что обступившая его охрана обращалась с ним вежливо. Никто не толкал его взащей и не пинал ногами, как это принято у бобби. Он шагал смешной и величественный одновременно, громко жалуясь на судьбу.

-У коржиков из Метрополии совсем слабление мозга. Им уже кажется, что старший инспектор это чихня, по сравнению с их дранными носками. И он обязан ни свет, ни заря подрываться к самолету, встречать какого-то китайца, которого они позабыли прислать. Они думают, что это такая генитальная шутка, да? Я тоже умею пошутить, – он сжимал свой кулачище и потрясал перед плешивым таможенником. Тот прятался за спины смеющихся полисменов и из этого убежища тоненько поддакивал.

-Совершенно верно, господин старший инспектор, совершенно верно. Таких ошибок пруд пруди. – в руках мастер причесок нес ту самую отвратную картонку, где было нацарапано таинственное слово.

– М’даки они, вот что!– громогласно заявил его оппонент. Люди испуганно оборачивались, казалось, вот так возникают все эти перевороты, хунты и восстания. Из-за несущественной мелочи вроде плохого настроения, месячных или узких ботинок. Достаточно только наступить на ногу какому-нибудь Пиночету или Салазару, и получить в итоге пару концентрационных лагерей на квартал. И дело вовсе не в потертом ботинке, дело в глупейшем стечении обстоятельств.

Наступил на ногу? Гуд бай, прогнившая демократия, здравствуй какая-нибудь «Освобожденная территория» во главе с человеком, глядящим на мир из-под фуражки с высокой тульей. Каменное лицо. Мир, Труд, Равенство, Братство, Средние танки. Добро пожаловать, господин диктатор!

И детали уже не так важны.

Это будет тот коктейль, от которого болят головы у соседей и правозащитников всех расцветок. Я бы и сам поучаствовал в такой заварухе, если бы она случилась. Не знаю, по какой причине. Может потому, что я уже давно устал от всего? И в этом осталась та самая малая толика моего интереса к жизни и людям? Ведь интересно же было, что напишут потом? А ведь обязательно напишут:

«Бесчеловечный режим пал, да здравствует революция! Свобода или смерть! Мы победим!»

Читать эту чушь будет невозможно. Вранье, умноженное на вранье, цепляющееся за вранье, основанное на нем же. Круговорот навоза, из которого уже нет выхода. Самое смешное, что за весь этот кал тебе еще придется заплатить. Узнай последние новости, пробормочет туалетная бумага.

Всего пара пенсов, заверит она.

Оформи подписку – потребует она.

Три дня бесплатно – предложит она.

Мне уже было жаль этих денег. Потому как, все что сообщат солидные многополосные брехаловки и интернет, я был в состоянии придумать совершенно бесплатно. Экономия, ага?

Толстяк надулся и принялся тыкать пальцем в тщедушного собеседника, все двадцать три волоска которого, намокли и прилипли к лысине в художественном беспорядке. Гогочущие легавые давно ушли, бросив того на произвол судьбы. Глядя в макушку понурого лизателя таможенных бандеролей, собеседник наставлял его на путь истинный.

– Метрополия нас насаживает, чувак, и разобраться в этом можно только после полпинты белого. Они путаются лягушатниками! С этими, как его? Французами! Факт! А те придумали всю венку, сечешь? Всю, от А до Я. От гонореи до зифилиса. Все эти Дюраны и Ажаны наверно прыскали в кулачки, представляя твои бубенцы в серванте! Еще они придумали лесбиянок и гипермаркеты, и неизвестно что страшнее. Моя Рита купила мне эти шорты в Карефуре в девяностом, и что ты думаешь, произошло месяц назад?

-Что? –поинтересовался вспотевший таможенник.

Толстяк развернулся и продемонстрировал прореху на мясистом тылу.

– В ней можно увидеть звезды, – торжественно произнес он голосом Коперника, которого мама позвала пить молоко именно в тот момент, когда он настроил свой телескоп на окно соседской спальни. И действительно, в дыре стыдливо проглядывал краешек Вселенной в виде застиранных трусов.

– Нет, приятель!– продолжил старший инспектор,– они все как один мошенники, эти французы, а наши мерзавчики из Метрополии от них не отстают. Подумать только! Они додумались прислать сюда китайца! Китайца, просекаешь?

Плешивый выскочка кивал головой как болванчик, он не понимал связи между Китаем и Метрополией. Вдоволь насладившись зрелищем я, наконец, сообразил, что еще пара минут и кипятящийся толстяк свернет лавочку и будет в таком черном расположении духа, что подойти к нему будет не безопасней, чем к страдающему запором бенгальскому тигру.

– Добрый день, вы наверное ждете меня. – сказал я, протолкавшись сквозь толпу. Надутый старший инспектор кратко выразил сомнение в этом факте словами, от которых свернулись бы сливки. Тщедушный таможенник, вспомнивший о важном деле, сунул мне грязную картонку и убежал, давая себе слово больше никогда не отвлекаться от медитаций на ручную

кладь пассажиров. Слово это он тут же нарушил, пристав к каким-то серферам, устроившим доски в чехлах на желтой линии.

-За линию, молодые люди, за линию!

– Играешь в крикет, Ши? –поинтересовался несколько остывший толстяк.

-Меня зовут Макс, господин старший инспектор.

-Макс Ши? Ты что, кореец?

-Акиньшин, я русский. – он махнул рукой, показывая, что для него разницы никакой.

– Эдвард Мишель Анитугу Мобалеку, – по-королевски представился мой китообразный начальник, милостиво опустив цифру, следующую за титулом. – Леку – означает достойный человек. Тебя направили в Ай Ди? Будешь работать в моем отделе. Стажером, для начала, там посмотрим.

Шесть досок и пила

Будешь работать в моем отделе, сказал он. Это я знал. И знал, кем буду работать. Единственное, о чем я не имел ни малейшего понятия, что тот отдел состоял из двух человек. Об этом толстяк поведал мне, когда мы выворачивали со стоянки.

-Мы неплохо проводим время с Рубинштейном, Макс. Хоть он и сраный старикашка с ишиасом и очки у него толще моей дрыжки, но мозги у него еще будь-будь! У него Драбант, сечешь? – он похлопал пальцами по рулю, показывая, что говорит про машину.

Тачка самого старшего инспектора вызывала содрогание. Это был четырехколесный реликт, созданный затерявшейся во тьме веков индейской цивилизацией. Вполне возможно, что на нем передвигались во время второй мировой случайно наткнувшиеся на него в сельве японские диверсанты. Ацтекомобиль жестоко обходился с моим задом, из дырок в откидной крыше (а это был кабриолет!) в наши лица плевало пылью. Я предполагал, что пока хитрые япы не установили на нем электрический стартер, он заводился от человеческих жертвоприношений и молитв.

К тому же коврики в салоне отсутствовали как класс и, из особенно больших проржавевших отверстий в полу открывался восхитительный вид на несущийся в двенадцати сантиметрах асфальт. Сигнал аппарата напоминал всхлип коровы, которую неожиданно прижало родить. Стоило признать, что Толстый был большой гурман, такую колымагу сейчас уже не найдешь ни за какие деньги.

Продолжая рассказывать про Рубинштейна, он отвлекся от дороги, показывая, как тот протирает очки. И задел Мерседес, поворачивавший направо, солнцезащитные козырьки упали нам на колени, а задний бампер с грохотом отвалился. С металлическим скрежетом монстр старшего инспектора остановился.

-Аллилуйя, брат! Господь захотел, что бы мы встретились сегодня!– проорал он набравшему воздух в бронхи немцу, выскочившему из помятой машины. Сопровождаемый потоком ругательств, господин старший инспектор быстро сунул бампер в багажник и пришпорил свой гибрид пароварки и часов с кукушкой единственным достоинством которого был грустный пластиковый пес, качающий головой под лобовым стеклом.

-Дойчи, такие же м'даки как и прочие, Макс,– заявил он рассматривая страдальца в зеркало заднего вида,– Он пытается записать номер, прикинь? Ну не болван?!

-Совершенно верно, мистер Мобалеку, – подтвердил я, думая о том, что толстяк даст фору Долсону, по части критической философии. Номер, укрепленный на бампере, лежавшем в багажнике, мог пытаться записать лишь форменный идиот.

-Можешь звать меня Моба... Прикинь, эти олухи продули Вторую мировую, и все равно ездят по всему миру. На их месте я бы сгорел от стыда,– продолжил разговор мой спутник и тут же поставил диагноз,– у них страшные бабы, от этого все проблемы.

Внутренне я ему аплодировал. Долсон плавал совсем мелко.

-Но машины они делают хорошие. Взять хотя бы Драбант нашего Моисея. Он гоняет на нем как помешанный! – я решил не поправлять свое начальство: пусть будет «Драбант», мир все равно состоит из ошибок. Вместо этого я представил подслеповатого Рубинштейна, рассекающего на гэдээровской помойке сделанной из картона и останков Мессершмитта. За раздавленных кур старик, вероятно, платил больше чем я за еду. Лучшим применением этой газонокосилки, был бы цветник или садовый сарай, что выгодно, как с точки зрения денег, так и потраченных на разбирательства с владельцами домашней живности нервных клеток.

Зрелище выходило забавное. И почему он не купил «Релиант»? Сэкономил хотя бы на резине. Неверно истолковав мою улыбку, Моба проговорил:

– Но лучшие машины делает Англия. – тут он принял вид, как будто собрался спеть «Правь Британия», – возьми хотя бы мою. Классический «Астон- Мартин» я его недавно крадил. Ты заметил, как красиво отражаются облака в лаке? С ним шел комплект зимней шипованной резины.

Рассматривая пальмы, растущие вдоль дороги, я сказал, что комплект зимней резины еще никому не мешал. А облака в лаке действительно отражались. Довольный попутчик закурил, бросив руль, ради чахлого огонька спички и сменил тему разговора.

– Так ты из самого Китая. Макс?

– Я из России не из Китая, Моба. Жил в Манчестере пару лет. До этого полгода в Москве. – вся моя жизнь умещалась в паре-тройке строк. Родился –жил –умер.

– Баба есть у тебя?

Я вспомнил Алю. Белые хлопья, сыплющие с темного неба, Темные деревья, люди, снующие вокруг, и Аля в вязанной ромбиками шапке. Она плелась рядом, ее лицо было серо, а глаза пусты.

– Дай мне тысячу, Макс, дай тысячу, – просила она. – Мне очень нужно. Ну, пожалуйста.

Я рылся в карманах, вытягивая смятые бумажки. У меня их немного и на них почему-то была подмигивающая королева. Она хохотала, путаясь в короне. Аля вырвала купюры из рук и исчезла. Шагнула в передоз. Навсегда. Аля, Аленька. Пушистая девочка ромашка. На хмуром. В восемнадцать. Я не видел ее лица, я уже почти все забыл. Зимы, Кемерово, холод, деревья... Все.

-Ну, так что? Есть у тебя баба?

-Нет, Моба. – ответил я. Он хмыкнул и посигналил зазевавшемуся мотоциклисту. Мычание нашего аппарата, заставило того обернуться и показать средний палец.

-Кстати, мы потеряли мою картонку, прикинь? Так что наши потери не меньше, чем у того грустного мерзавчика на Мерседесе, – он довольно хохотнул, а потом продолжил – Самые большие м'даки, Макс, это армяне. Представь, один раз, нас с Ритой позвали на прием. Обещали фуршет. А вместо рубона дали фильм. Он назывался «Аккорд Маньяни», это была плохая замена хавке, просекаешь? Ладно бы хавка, но фамилия! Маньяни, прикинь?! Лопнуть

можно. Все там, в Армении, наверное, угорали над его табличкой на двери. И что он ее не поменял? С такой погремухой и писать музыку нужно иметь стальные бубенцы. Он, наверное, возил с собой подушку, что бы плакать в нее по ночам. Музыканты- они такие ранимые. Там еще мужик залез на дерево и кричал, что хочет бабу.

Добрых десять минут господин старший инспектор путано излагал сюжет, пока я не догадался. Мне стало весело. И я засмеялся, вызывая его болезненное недоумение.

– Мастрояни, может быть? «Амаркорд», Моба. Фильм называется «Амаркорд». Только режиссер Феллини, по-моему.

– Их армян не разберешь, Филимили, Мандяни, – отмахнулся тот. Я обрушил все его логические построения с табличками и музыкантами, и он немного на меня надулся. – Моя Рита говорит они все мошенники. У нее есть безумная тетушка. Старуха совсем спятила и оторвала себе гостиную из каталога «Сделай сам». Его тоже выпускают армяне. Три с половиной тысячи монет, представь! Знаешь, что ей прислали? Ты не поверишь, Макс. Знаешь?

– Прихожую? – я смутно разбирался в мебели.

– Ей прислали шесть досок и пилу! – возвышенно уничтожил меня Моба, – армяне повсюду, кто бы, что не говорил.

– А гвозди?

– Что гвозди?

– Ну, гвозди не прислали? – он недоуменно посмотрел на меня, а потом запрокинул голову и засмеялся, издавая звук засорившегося унитаза. Увлеченный он едва не пропустил поворот. И его классическому Астон-Мартину пришлось изрядно поскрипеть. От натуги одно из креплений крыши открылось, и, так как второго не было в помине, матерчатый верх задрался и нелепо торчал над нами весь оставшийся путь. Колпак соскочил с колеса и унесся в обильные заросли по обочине. Сжавшись на сидении, я с тревогой ждал худшего. На удивление, колымага старшего инспектора еще немного подрожала как конь при смерти и, наконец, выровняла траекторию. Встречный мужик на форде, прокричал толстяку что-то обидное, получив в ответ мычание коровы на сносях и вытянутую черную руку, на сгибе которой лежала другая.

– Смотри на дорогу, денегерат.– крикнул ему Моба. В ответ, тот нажал на клаксон. Разъехавшиеся машины так и не дали им поговорить по душам, о чем мой спутник, которого я про себя уже назвал «Мастодонт», сильно сокрушался.

-Таких коржиков надо держать дома на валиуме, Макс. Никаких водительских удостоверений, только мягкие стены. Сегодня он чуть не устроил аварию, а завтра? Завтра может, дойдет до того, что не заплатит за хавчик в Бургер Кинге! Дескать, там много калорий, а его об этом не предупредили. А он заботится о своем здоровье. И боится помереть от холестеарина. Кретин, да? Помереть от холестеарина, может только полный м'дак. Что ни говори все болезни от нервов,– заключил он.

-Кстати, Макс, ты знаешь анекдот про бедолагу, который хотел выставить гей бар? Нет? Так вот, взял он с собой бейсбольную битку и подходит к бармену. «Голубок», – говорит он ему, – «А ну быстро метнулся...»

К счастью продолжить он не успел, через пару сотен метров мы остановились у маленького домика, тонувшего в цветущих бугенвиллиях. На его веранде в кресле, подле которого стоял столик с бутылкой, сидела сухая старушка в бриджах и белой блузке и курила трубку.

-Благослови вас Господь, тиа Долорес! – заорало мое толстое начальство и уже тише поведало мне, – Бабуля глуховата, но ты привыкнешь. Рубон и отдельная комната всего восемьдесят монет в неделю. Шик-модерн! Если не понравится, можешь свалить.

Можешь свалить! Я уже с трудом вспоминал свою берлогу с прожженным окурками диваном, которую покинул всего-то шестнадцать часов и десять тысяч километров назад. Там было много хуже. Совершенная, рафинированная, стопроцентная тоска. Где-то на краю моего сознания шевельнулась мысль о Лорен. Была ли она частью состояния того уныния и безысходности из которого я выполз под эти одуряющие цветные бугенвиллии? Для себя я так и не решил. Ее красный, приносящий удачу помпон, лежал в моем кармане.

-Только выпивка в счет не входит. – озабочено информировал Моба.

-Кто там с тобой, Эдвард? – воскресла тиа Долорес, дым почти скрывал ее. Она беззаботно потягивала из стакана, рассматривая нас.

-Один китаец, тиа!

-Надеюсь, у него не пахнут ноги? – спросила она между затычками.

-Нет, тиа! – громко ответил старший инспектор и подмигнул мне, – Вы тут знакомьтесь, а я поехал. Сегодня Рита делает баранье седло. Я тебе скажу, Макс, когда делают баранье седло, то домой нужно приезжать пораньше. Иначе, моя женушка не оставит ничего на ужин. Ведь ей надо пробовать хавку на соль, чтобы не ошибиться.

Он сел в машину и тут же посигналил. Я обернулся и увидел, как он бешено крутит ручку стеклоподъемника.

-Знаешь, – крикнул толстяк, – ты был прав! Ей так и не прислали гвозди!

-Кому?

-Безумной тетушке Риты! – сделав ручкой, он со скрежетом отъехал. Я стоял у заросшей калитки маленького домика тиа Долорес и думал, что мы обязательно подружимся с господином старшим инспектором. Обязательно.

Предметы сатанинского культа

– Два доллара сорок центов, тиа Долорес! – молочник приезжал каждое утро. Громко объявляя сумму, всякий раз ампутировав те самые пятнадцать минут сна, которых мне никогда не хватало. Моя хозяйка что-то неразборчиво бурчала. Изюм в день они терли за цену на молоко, будто если завтра случилось на два цента больше, то это было полнейшей и бесповоротной катастрофой, последствия которой перевернули бы их жизни.

Вымотанный ночными видениями я пытался проснуться в липкую духоту. Получалось совсем плохо, потому что грань между жизнью и сном была слишком тонка. Вот если бы не она, эта граница, если не эта дурацкая граница реальности, оказавшаяся слишком неопределенной, то я бы точно знал, сплю я или живу. Сплю я или живу? Ответа на этот вопрос не было, и мне пришлось ворочаться в утренних снах, вытягивая из-под простыни, то одну ногу, то другую. Бормотание внизу закончилось, я немного повалился, слушая шелест отъехавшей машины. Еще пятнадцать минут, пятнадцать, и ни минутой больше, потому что после за мной заедет Моба.

Солнце тормозило меня, силясь пролезть под сомкнутые веки. Металось по комнате, вырывая из полутьмы разбросанную одежду. Боже, если ты существуешь, спасибо! Жизнь это самое гениальное, что было изобретено. Святой Дух, Яхве, Попокатепетль, Саваоф, Дед Мороз – кто там есть? Помогите мне встать. Мне пора на работу. Эта фраза вязнет на зубах. Пора на работу. Вскоре я забуду русский, английский и все миазмы испанского. В быту можно обходиться междометиями, а на службе инструкциями. Это удобно и экономит время на обучение.

– Мааакс! –кто-то орал у входной двери. Конечно, это – Эдвард Мишель. Пунктуальный как десять королей. Он грохотал в гостиной тетюшки Долорес, в лучших носорожьих традициях желая старушке доброго утра.

– Как жизнь, тиа?! Рита передала вам немного сливового пудинга, но я его съел по дороге! – дребезжал он. Думается, что его величество можно было забрасывать в осажденную крепость и затем принимать толпы ошеломленных пленных валящих из сорванных с петель ворот. Единственная проблема, найти требушет, способный выдержать вес Мастодронта. Мне пришло в голову, что старший инспектор не самое гуманное оружие, вроде тех боевых пчел, использованных ацтеками.

– Мааакс! – он будил полгорода. Пришлось спустить ноги с кровати, пустая бутылка из-под «Джемсона» покатила по полу. Я вытек в гостиную, пытаюсь проснуться по дороге.

Этим утром толстяк щеголял в гнусной кепке и галстукке, в котором его прадеда поймали в Конго. Когда я сообщил ему об этом факте, он поразмыслил, а потом заявил, что нет худа без добра, и капитан судна работоторговцев со своим первым помощником вступили на берег в желудке его прадедушки.

– Там был ужасный кордебалет, на той посудине! Первостатейное мочилово, уж прадед об этом много рассказывал моему деду. Команда попрыгала за борт, и это было сплошным переводом продукта. Ведь он тоже любил поесть, мой дедуля. И был ганнибалом, сечешь, Макс? Паршивая хавка ничего не скажу, зато у него были духи.

-Духи, Моба? –переспросил я, обжигаясь кофе. Мое китообразное начальство потеряло ластом хобот, а потом пояснило.

-Боги, Макс. Боги которых уже нет. Нам не во что верить, прикинь какая тоска! Сейчас у всех один бог- Интернет. На него молятся, ему приносят жертвы, им пугают детей. И его просят! Просят, просекаешь? Словно у всех этих ущербных самых умных кончились мозги. Дай нам то, скажи нам это..– он приостановился, чтобы аккуратно почистить нос на пол.– Скоро у него будут спрашивать как им с телкой забачать пару киндеров. Людям стало лень раскидывать мозги, они предпочитают совать свои боло в розетку и чувствовать себя слишком умными.

Я подумал о своих богах: карточке соцобеспечения, медицинской страховке и трезвом взгляде на вещи. Во все это хотелось верить железобетонно.

-Боги повернулись к нам задницами, Макс. Все из-за нашей лени и кретинства. Все, абзац, мистер. Мы врем себе, нам врут, и не к чему прислониться. Весь мир теперь сделан из гипсокартона, силикона и вранья. И единственное, что еще осталось настоящим, среди всей этой чуши, это та киска из кулинарного шоу, и я на нее молюсь, сечешь?

Я кивнул и сделал последний глоток, кулинарная телка, оставившая глубокие царапины на либидо толстяка, действительно заслуживала уважения. Во-первых, она не капала на мозги нравоучениями, мило курлыкая о паштетах и почках в мадере, а во-вторых, обладала кормой, которой позавидовал бы иной авианосец. В глазах Мобы эта авианосная миссис была достойна священного сана и к тому же не могла врать. Трудно соврать, излагая рецепты. В этом заблуждении я его искренне поддерживал.

Всю дорогу в контору Мастодронт лениво обозревал окрестности, изредка сигналив неосторожным негодьям и мерзавцам попадавшимися нам на пути. День тихо наваливался на город, и в воздухе пахло одуряющей жарой, которая вот-вот начнется. Молчание затянулось. Лишь поднимаясь на второй этаж, мой толстый спутник озабоченно поинтересовался, нет ли у меня случайно маникюрных ножниц.

– Я записался в бассейн, там дурацкие порядки насчет дрыжек, – он попытался почесать голову под кепкой. На это я ответил, что не захватил их с собой.

– Ну и ладно, – беззаботно ответил он и распахнул дверь, – Здорово, Моз!

-Доброе утро, – проскрипел инспектор Рубинштейн и вынул усы из чашки с почечным чаем. – Ты читал меню закуской в коридоре, Эдвард?

Моба усевшись за свой стол, ответил, что не читал, и это было очень странным, потому что новости о хавке он пропустить не мог. Впрочем, как и о крикете. На результатах матчей он терял больше, чем я тратил на сигареты.

-Они нас травят, травят! Давно доказано, что сосиски вызывают старческое слабоумие, – на носу нашей окаменелости гневно покачивались массивные очки с линзами от телескопа Хаббл. Он сам напоминал телескоп, худой и нескладный, с почти отсутствующими плечами. Глаза Моисея слезились, а его кашель, служил постоянным аккомпанементом нашей работы. Стол милого старикана был завален лекарствами. Он поглощал их пригоршнями, сверяясь с каким-то темным расписанием. Количество их было столь огромно, что к концу первой недели

моих наблюдений я был уверен, что вместо крови в его вялых сосудах течет поразительная химическая жижка, чей состав поверг бы в изумление всех лауреатов Нобелевских премий по химии, начиная с Резерфорда.

-Это возмутительно.- скучным голосом подтвердил Эдуард Мишель и вооружившись канцелярскими ножницами, приступил к крайне опасной операции: стрижке омерзительных базальтовых ногтей на поршнях. Для этого, его величество сняло туфель и носок-ветеран, и устроило одну ногу на другой так, чтобы на место операции падал свет.

– Что там у нас на сегодня, Мозес?

– На тринадцатом посту форменное безумие, Эдвард. Бумаг еще нет, но с минуты на минуту придет графиня, и будут большие гонки. Кстати, ты, кажется, закрыл дело того болвана с пакетом травки в зад?

Ногти господина старшего инспектора не поддавались, он несколько вспотел и отчаянно чесал голову.

-У него золотые боло, Моз. – скорбно сообщил он. – шестеро ребятишек и все от разных женщин, сечешь?

Я оторвался от инструкций. По мне, так не совсем понятно, какая баба могла дать такому засохшему плевку, но в подробности я не вдавался. Мало ли? Мир огромен, а вот в сельве, предположим, до сих пор живут племена, не знающие о цивилизации и всем этом навозе, в котором мы копошимся. Размышляя над этим фактом, я слушал их беседу.

-Ты слишком милосерден, Эдвард, – подкрепившись глотком почечного чая, старая развалина поинтересовался. – Почему ты в кепке по такой жаре?

– Соседские спиногрызы налили в нее клей. Детей сейчас воспитывают не родители, а айфоны, -пояснил господин старший инспектор с щелчком обрубая первый коготь из десяти. Лицо его просветлело. Он посопел и принялся воевать со вторым. – Что там с тринадцатым?

– У них разбежались обезьяны, – старик Рубенштейн клюнул носом бумаги.- взвзвз.. Сообщаем, что в ночь на двадцатое число, при осмотре карантинного груза, поданного на оформление согласно таможенной декларации Так-так... оказались открыты клетки... Груз в количестве девятнадцати мест обезьян... разбежался.

-Они что там, вскрыли пломбы на карантинном?– возмутился Мастодонт, второй ноготь со звоном сдался.

-Им показалось странным, что в камионе слышна возня. –пояснил чахоточный и повел боевыми лазерами. Толстяк звал его Мозгом, с чем я был категорически не согласен. Впрочем, оспорить это утверждение тоже было нельзя. Все свое время Моисей проводил в медитации на хаотически разложенные по столу бумаги, и добиться от него чего-то внятного было сложно. Мозгом он был или просто спал, оставалось загадкой.

Бросивший стричь ногти Эдвард Мишель воззрился на него.

– Не, ты представляешь, какое гадство, Моз? Как пить дать, сейчас посвистим на тринадцатый ловить мартышек! Еще, слава богу, что у нас есть Макс, ему никогда не мешает потрясти дрыжки. Но мы то? По такой жаре?

Прежде чем ответить король больных покопался пальцем в разноцветном прахе таблеток, выбирая лучшее средство от жары.

-Ловить не придется, Моба. Они все передохли.

-Господи всесвятый. – толстяк отложил ножницы и сел прямо.– Только не говори мне, что эти коржики с поста их постреляли. Мы утонем в объяснительных. Помнишь, когда в бананах засекли ту дрянь? Я еще съел один, а потом писал рапорты каждой харе, начиная с отдела кадров? А ведь речь шла даже не о лососине, а о каком-то ср.ном банане!

Я внимательно прислушивался, впервые за три месяца в нашей конторе образовалось интересное дело. Нет, жизнь, конечно, была ключом, если учесть что за все это время я успел обосноваться в отделе расследований, прочесть десятки инструкций самой монументальной из которых была «Об ограничении оборота предметов сатанинского культа».

«... исключить возможность провоза через государственную границу Соединенного королевства предметов сатанинского культа, согласно параграфа...» – государство ходило под себя. Оно боролось с сатанизмом, социализмом, незаконным оборотом, эмигрантами, зонтиками от солнца и зонтиками от дождя, консервами из серебристого тунца, с котелками, шпионажем, боролось со свободой и сражалось против себя. Оно постоянно сходило с ума в этой бумажной суете и все же не могло сдвинуться с места.

– Моба! – крикнул я тогда Толстому, – предметы сатанинского культа, теперь запрещено провозить.

На это он пробурчал, что к ним в прошлом году приезжал глухой двоюродный брат Риты. Тот привез в подарок подшивку журналов по психиатрии, собачье мыло и чесалку для спины с орнаментом. Если бы он знал, то стопорнул бы этого перца еще на границе.

– У меня нет собаки, Макс! – грохотал он. – Этот пердун подкатывал свои боло к Рите, представляешь? Его слуховым аппаратом можно было глушить «Рок волну».

Я представил и согласился, что того радиофицированного стручка можно было помариновать пару месяцев за контрабанду.

– Жаль, что не получили инструкций раньше, – сокрушался господин старший инспектор.

Он прихлебывал кофе, производя шум вокзального писсуара. От кружки так разлило ромом, что пьяные мухи, попавшие в волну испарений, погибали на лету.

– Я бы глухих отправлял в карьеры добывать щебень, Макс, – твердо заявил Эдвард Мишель. – Там бахает, будь – будь. На входе отбирать у всех патефоны и вперед.

– Ты прав, Моба, – согласился я, – а слепых в шахты.

Он был готов развить теории о рациональном использовании глухоты но, к сожалению, опрокинул кофе себе на брюки. Впрочем, тогда все закончилось хорошо. Его величество попросту сняло штаны и проходило остаток дня в трусах в молодости бывших зеленого цвета. Его бабушка перешила их из набедренной повязки. Припомнив эту историю, я наострил уши, с обезьянами все обещалось быть намного веселее.

– Не стреляли, Эдвард, – наша развалина, наконец, проснулась. – Они сами передохли, там сейчас оцепление из вояк. И у каждого берут анализы.

Остаток фразы он проговорил мечтательно. Глаза затуманились, старику Рубинштейну очень хотелось самому быть там и сдавать эти самые анализы. Он полагал, что военные смогли бы найти у него что-нибудь не известное науке. Может быть, в его кале затаилась неведомая болезнь? Пневмозва? Хорошо было умереть и прославится как первый, умерший от пневмозвы в отходах. Мечты больного Мозеса вспыхивали прекрасным новеньким надгробием «Моисей Рубинштейн, первый человек, скончавшийся от неизвестной болезни», установленным на государственные деньги.

Прежде чем сидевший в одном тапке старший инспектор открыл рот, чтобы ответить, на его столе зазвонил телефон.

Полапав трубку толстяк поднес ее к уху.

-Да?

Это была наша директор. Руководство всегда звонит вовремя и это неоспоримый факт. Звонит тогда, когда ты совсем не готов: страдаешь похмельем или спишь. Оно свято, неподкупно и никогда не ошибается, его глаза видят сквозь стены, и ты обязан знать, почему из всех отданных ценных распоряжений вышел пшик. Даже если в великолепно продуманные планы входило нечто иное, чем то, что получилось. Старший инспектор внимательно выслушал панические звуки на том конце провода и ответил:

-Будет исполнено, госпожа директор. Рубинштейна и Шина?... Тот китаец, которого послали с Метрополии. Да, ма' ам, они там все с ума посходили.... Да, ма'ам... М'даки, слов нет... Будет исполнено.

Немного об ишиасе

С этим «будет исполнено», вышло совсем плохо. Потому что до тринадцатого поста было с полсотни километров, которые мы проделали на классическом Астон –Мартине Эдварда Мишеля. Сам факт существования этой развалюхи, на крышке багажника которой еще читались затертые буквы «Воксхолл», оскорблял прогнившую Вселенную, как вид голого зада старых дев. Путешествие в автомиазме причиняло немалые страдания. В лицо плевало пылью, а из дыр в полу несло выхлопными газами. Потертая ручка коробки передач тряслась как припадочная. Несмотря ни на что, кляча инспектор Рубинштейн, восхищался колымагой примерно тридцать километров пути.

– Где ты берешь спортивные свечи для своей тачки, Эдвард? – спрашивал он. И тут же не выслушав ответа, заявлял, что ему необходимо плотнее завернуться в шарф, иначе можно было запросто схватить простуду от такой дикой скорости.

-У меня хронический гайморит, друзья мои. И слабые легкие. Им конечно необходим кислород, но не в таких же количествах? Хорошо, что сегодня тепло. Ишиас меня совсем не беспокоит. Кстати, Эдвард, если у тебя заболит крестец, то лучшее средство приложить к нему теплую гималайскую соль. Этот рецепт миссис Рубинштейн вычитала в каком-то журнале. Пусть Рита тебе купит и побольше. А вот для пробок в ушах, лучше касторового масла – нет ничего. Жаль, что сейчас его уже нет в продаже. Достаточно взять три капли...

Он сидел на переднем сидении и бубнил эту смесь медицинских и автомобильных глупостей.

Соль, свечи, ишиас, благоверная Его Величества – Рита, серные пробки, спортивные суппозитории для тачки на последнем издыхании. От всего этого несло полной безнадежностью. Энциклопические знания, по выражению моего тюленеобразного начальства. И мне хотелось заткнуть уши, чтобы этого не слышать. К счастью, скоро разговор свернул в сторону хавки и толстяк заявил, что на таких машинах хорошо выезжать в приличном обществе на барбекю. Он даже бросил руль и показал руками, как он понимает приличное общество, прижав пару невидимых арбузов к груди. Эротические фантазии Его Сального Величества всегда вызывали содрогание.

Три слона, на которых покоилась плоскость интересов старшего инспектора, звались: рубон, крикет и сексуальные телки. Каждая из которых была способна сломать даже самые крепкие весы. А на конкурсы красоты, по его мнению, должны были допускаться только члены федераций по скоростному поеданию сосисок на сельских ярмарках.

Последняя пассия его величества, принесшая ему моральные – Рита орала как резаная, так и физические – в виде исцарапанного лица мучения, проломил стул в нашем отделе. В качестве извинений за этот случай, ему пришлось приобрести жене три ведра косметики и натуральную шубу из настоящей искусственной кошки. Столь же бесполезную на постоянной жаре, как и почечный чай Рубинштейна.

– У вас там, в Китае, есть бобекью, Макс?

– Сколько хочешь, Моба.

– Тебя раздражают наши базары, мистер? – он повернул голову и покосился на меня.

– Нет, конечно. Но меня больше интересуют обезьяны, Моба.

– Господи помилуй! Обезьяны? Те, что сдохли? Зачем они тебе, Макс? Пока мы тут едем и базарим о тачках, наш Мозес уже думает, просекаешь? Он может думать в любой положении, даже на толчке. Правда, Моз?

Тот не ответил, потому что к этому моменту придремал, откинув голову на тощей шее с громадным кадыком. Редкие седые волосы трепетали от теплого ветра. Рот инспектора Рубинштейна приоткрылся, из уголка бежала ниточка слюны.

– Он может думать даже во сне, наш старый Моз, – с гордостью сказал Моба и вывернул руль, объезжая мобильный кордон. От обочины к нам бежали солдаты, но мистер Мобалеку беспечно пронесся мимо них, свалив знак «Биологическая опасность». Матерчатая крыша захлопала, в салоне тут же поднялась пыль, от которой инспектор Рубинштейн, пребывающий в счастливой дреме, чихнул.

– Исключительно настойкой золотого уса... – пробормотал он.

– Слушай, Макс. Мне кажется, что я забыл носок на столе. Ты не помнишь, я надевал его перед поездкой? – беззаботно проорал Толстяк.

Обернувшись, я смотрел на ошарашенных вояк. Один из них что-то орал в рацию. Потом они скрылись за поворотом, сменившись сплошной зеленой стеной сельвы. Носок Мастодронта был самой малой из назревавших бед.

– Не помнишь, не? И я не помню, – он вздохнул. Из-под коротких брюк господина старшего инспектора бесстыдно выглядывала черная ступня.

Шар из козявок сержанта Пеппера

Въезд на тринадцатый пост был перекрыт машинами, у которых терлись десятка два солдат. В полевой форме и полной выкладке, они походили на насекомых, выползших на солнце погреться. И обильно потели во всех этих фляжках, сухарных мешочках и наколенниках.

Я где-то слышал, что нахождение в полной экипировке было непременным условием военной страховки. Даже если ты подымаешь от жары. В случае ранения или еще чего похуже, компенсации можно было не увидеть. Воображаю, как они судорожно напяливали всю эту тактическую холеру по тревоге. Трусы, носки, майка, камуфляж, подсумок, наколенники, налокотники, маскасеть на шлем, защитные очки. Боевая косметика в отдельном кармане. Бегали по казарме в поисках нехвата оторвавшегося хлястика или еще чего ценного, вроде гигиенической помады. На этих бедолаг можно было навешать все что угодно: от рекламных сэндвичей до костюмов русалок, и они педантично носили бы их каждую операцию, не упуская ни малейшей детали. Боясь потерять долбаную страховку. Получалось смешно: любого самого крутого котика, способного прыгнуть с пяти метров, пробежать сорок километров не сбив дыхания, имел скромный бухгалтер, просяживающий зад за горой бумаг

– Стой! – винтовки были взяты наизготовку.– Стой!!

Вцепившись в сиденье, я представил, как в довершение из кустов справа вываливает танк и давит весь этот самодвижущийся классический хлам с тремя инспекторами отдела расследований внутри. Крушит гусеницами матерчатый верх, сминает пластиковую собачку, качавшую головой на приборной панели. С шумом, треском и воплями.

Хрясь! Брууууммм! Богатое воображение всегда было недостатком, который мешал жить. И сейчас я был готов променять его на немного снега, который здесь по расписанию чуть ближе, чем конец света и на Алю, до того как она села на хмурый. Снег и Аля – все, что я желал в жизни. Мне стало тоскливо, и я вздохнул.

Почему все так, Аля? Ну, почему? Одни вопросы. Я жил вопросами, и настоящее счастье было недалеко. Оно заключалась в ответах. Снег еще сыпал в моем сознании. Я вспомнил похороны, холод, чей-то плач. Глину свежего холмика. И совсем завяз в той кладбищенской грязи, пытаюсь оттереть от нее подошвы. Бред. Ведь я уже семь не в Кемерово. Но снег мне по-прежнему снится. Временами. Все это пронеслось передо мной в одно мгновение. Я был сильно испуган.

– Стой!!!! – в нас целились.

Господину старшему инспектору пришлось с грохотом остановить экипаж. Свист и хлопки крыши неожиданно оборвались, стало слышно, как вокруг самозабвенно надрывались цикады. Они благодарно жарили изо всех сил заглушая стоны нашего Воксхолл- Мартина и топот солдатских ботинок.

За короткий промежуток времени, которого паралитику едва хватит на движение бровями, мы были выдернуты из машины и расставлены у капота. В той самой позе, что обожают флики и охрана. Их медом не корми, дай кого-нибудь загнать. Если бы правонарушители вдруг

неожиданно исчезли, то они бы с успехом ставили в первую позицию друг друга. Просто так из любви к искусству.

Ситуация была глупейшей. Ладони жгло накалившимся металлом, а в затылок било солнце. Нас тут же обыскали, вывернув карманы. Все произошло настолько быстро, что бедняга Моисей просыпался уже в позе кобылы ожидающей жеребца.

-Позвольте, – сказал старая развалина и чихнул.

-Молчать! –скосив глаза я увидел сержанта изучавшего наши документы. Он хмурил брови, как любой мелкий начальник, которого на миг озарила падающая звезда. Десятки лет он подтирал за другими, и вдруг! Неожиданно! Подтерли за ним самим. Такие обычно начинают кривляться, и строить из себя президентов банановых республик, пап римских и Мэрилин Монро. Всех и сразу. Этот не был исключением, он важно надулся и приказал.

– Снимите шляпу с толстого.

-Не снимается, сэр!

-Не получается, сэр!

-Детишки налили клея, – пояснил поливаемый солнцем толстяк, на его лице начинали образовываться первые бисеринки пота. – Мы из отдела расследований таможенного управления.

-Почему не остановились на первом посту?

-Я его не заметил, – честно ответил Невозможный. Он действительно его не заметил, потому что рассказывал мне, чем думает старая развалина. Приводить этот аргумент в качестве доказательства того, что он говорит правду, Эдвард Мишель почему-то не стал.

-Разберемся,– собеседник повернулся к нам спиной и пошел к машинам перегораживающим въезд на тринадцатый пост.

– Извините, можно я стану прямо?– спросил Моисей ему в спину – у меня ишиас, господин сержант.

Тот пропустил вопрос мимо ушей.

-Вот видишь!– тихо произнес Мастодонт, обращаясь к покачивающему головой Рубинштейну,– Наверное, он был хорошим мальчиком: помогал печь печенье маме, ежедневно пил молоко, всегда выполнял домашние задания. Но достаточно было дать ему нашивки, и что мы получили?

-Что мы получили, Эдвард?

-Говорящую свинью, вот что, Мозес.

Несмотря на мучившую меня жару, я улыбнулся.

Все выяснилось достаточно быстро, сержант кому-то позвонил и уже через пятнадцать минут, состроив недовольную мину, вручал нам документы. Конечно, ему бы хотелось, чтобы мы оказались крысами, ежедневно таскавшими через границу всякую всячину, в основном нелегальную. Ну, или на крайний случай забыли бы документы дома.

-Они в другой рубашке, сэр...– он представлял, что пакует нас как чемоданы. Ему мерещилась большая сверкающая медаль и благодарность перед строем. Но сегодня был совсем не его день. Он рассматривал нас глазами одинокого неудачника пять лет собиравшего шар из собственных козявок для книги рекордов и на пороге здания на Драммонд-стрит узнавшего, что его обскакал какой-то румынский пенс, у которого большая семья.

-Не переживай, малыш!– безмятежно сказал его величество, вытирая лицо отвратительным липким комком, который он считал за носовой платок,– зато теперь, если ты захочешь поехать в какую-нибудь дыру вроде Мексики или еще куда, тебе понадобится дополнительный чемодан для документов. Таможенная служба Ее Величества всегда благодарит за услуги.

Несостоявшийся рекордсмен книги рекордов огрызнулся, что передвигается исключительно на военном транспорте, который таможня не досматривает. В ответ Эдвард Мишель философски пожал плечами и улыбнулся.

-Сержант Пеппер, да? – прочел он на униформе.

Маленькой мстью Пеппера было то, что развалюху старшего инспектора за оцепление не пустили, и мы вынуждены были идти пешком.

На тринадцатом сновали фигуры в защитных комбинезонах. Поразительно было видеть, как вояки мгновенно перетягивали лентами любой объект. В них было что-то от обстоятельных пауков, всем смыслом жизни которых была паутина. Пост был затянут в нее полностью. И в этом хаосе четко просматривались те дорожки, по которым следовало идти. Метрах в ста, от перегораживающих дорогу машин виднелись пункты досмотра, на одном из которых замер камион с открытыми задними воротами. Там кто-то копошился, медленно передвигаясь за трепетавшими на горячем ветру лентами.

Пот лил с нас ручьем, и я удивлялся инспектору Рубинштейну, на цыплячьей шее которого болтался вязаный шарф. Он шаркал по бетону, напоминая старого бассета, которого необходимость опорожниться вытянула с места у камина. Топавший в вразвалочку Моба лихо дымил сигарой.

– Что будем, Моз? Поболтаем со свидетелями или глянем на груз? Смотри, вон Сомерс из легавки. Эти уже тут как тут. Сейчас заявит, что мы путаемся под ногами.

-Пойдем, что-нибудь разнюхаем, Эдвард,– предложил заслуженный ревматик, – Мне кажется начинать надо со свидетелей. Не дай бог меня еще продует на площадке. Представь, я забыл растирку миссис Рубинштейн дома. Теперь мне нечем спасаться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.